

И

ТАК, я снова в Литве. Для меня это короткое пребывание в Литовской ССР после долгого, почти двадцатилетнего перерыва было интересным и значительным вдвойне, а то и втройне.

Прежде всего несколько встреч с аудиториями разными, но всегда внимательными и чуткими. Однако подробно останавливаться на чтении собственных стихов нет смысла. Скажу только, что на старости лет такие устные выступления, произносимая вслух поэзия приобрела для пишущего эти строки тот же характер, что в незабвенные двадцатые годы юности, когда для нас, молодых и безымянных, были почти недоступны типографские станки. Валерий Яковлевич Брюсов буквально как из ушата выплескивал нас на трибуну Политехнического музея в Москве и ставил лицом к лицу с красногвардейцами, студентами, дряхлеющими интеллигентами обоего пола и с прочим московским людом, охотно принимавшим молодую советскую поэзию. И вот то же самое повторяется в семидесятих годах века. А для меня оно стало насущнейшей потребностью, хотя за плечами множество печатных книг и, наверно, предстоят еще новые.

Вот первое, ради чего я приехал в удивительно милый и красивый город.

Второе заключалось в том, что предстояла встреча со старыми друзьями, приобретенными еще в пятидесятых годах, когда я редактировал первую Антологию литовской поэзии в переводах на русский язык. В 1950 году она вышла в Вильнюсе. Увы, очень, очень многих из тех, чьи произве-

дения вошли в эту антологию, уже нет в живых. Совсем недавно ушел из жизни прекрасный поэт Антанас Венцлова. Еще раньше кончили свой жизненный путь Теофилис Тильвитис, Винцас Миколайтис-Путинас, Йонас Шимкус — милые, добрые друзья, вечная им память.

Зато необыкновенно дружелюбно встретили московского товарища Альбинас Жукаускас и Вацис Реймерис, встретили так, как будто мы простились друг с другом только вчера.

ного и Петра, Христа перед народом и Мефистофеля, Ярослава Мудрого и Спинозу. Горсовет столицы превратил старинную узкую, кривую улицу в своего рода музей под открытым небом, восстановил ее средневековый облик, которому не мешают признаки сегодняшней жизни, вроде вывески добровольной пожарной команды. На этой улице существует знаменитый в городе кабачок «Локис», что по-литовски значит медведь, ну а мы вспомним страшноватую сказку Мериме...

Пьеса — трагикомедия. Постановщица умело, тонко, порою и дерзко следует за автором. За комедийной суетокой буржуазного уклада предчувствуются черты буржуазного ада. В первой половине представления безотказно хозяйничает комедия, и зрители грохают хохотом на каждый поворот комической ситуации. Все шито-крыто в благопристойном семействе. Ничто не сдвинуто с места. Над всем господствует огромный золотой Будда, своего рода замзав Золотого Гельца, — тоже хорошая выдумка постановщицы. Она не спешит показать трагическую природу нарастающего конфликта между родителями и детьми.

Зато когда он становится неизбежен, Наталия Огай дает волю своему живому воображению. Придуманные ею острые мизансцены становятся в центре внимания зрителей. И зрители чувствуют, что дело нешуточное. Запахло паленым. Мы видим Сына на фоне бледно-зеленого, не то рассветного, не то вечернего неба. Он трагически раскинул руки, стоя спиной к нам, а лицом к большому Распятию, едва намеющему в воздушном пространстве. Это поистине незадачливый апостол. Он знает, что проиграл мятежную игру, не рассчитал своих детских сил. Исполнитель этой главной и нелегкой роли — Гинтас Узас хорошо помогает режиссеру. Ставка Наталии Огай на молодого актера оправдала себя.

Мы снова в Вильнюсе. Снова аэропорт. Последние рукопожатия. Последние нежные, нескладные и взволнованные слова.

С острой жалостью расставался я со старыми и новыми друзьями. Ведь жизнь несет в своем неудержимом потоке всех нас стремительно. Бог знает, когда еще удастся мне ступить на дорожку и почти родную землю Литвы.

СНОВА В ЛИТВЕ

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Так что все это вместе взятое, идущее из двадцатилетней давности и заново скрепленное словом и делом, было тем вторым, чем я хочу поделиться с читателями «Недели». Но мой отчет еще не исчерпан.

Третьим было вот что! Вильнюс для меня, можно сказать, «фамильный» город. Когда-то Антоколь был предместьем губернского города. Сейчас это холмистый, густонаселенный, один из центральных районов литовской столицы. Откуда это название — Антоколь? Очевидно, со времен средневековой латыни католиков: Ante Collem, что в переводе значит перед холмом. Так что если бы мне вздумалось взять псевдоним, он звучал бы «Предхолмский». Сверх того в Вильнюсе есть улица Антокольского, названная так в честь моего деда, скульптора, Марка Антокольского, изваявшего Гроз-

Альбинас Жукаускас привел нас в это логово старины и по крутой винтовой лестничке со щербатыми каменными ступенями, рискуя расшибить себе башку о низкие каменные своды, мы спустились в подвальчик с грубыми, кирпичной кладки стенами, подходящими и для Шекспира, и для Вийона, сели за дубовый стол, на дубовые скамьи и стукнулись чарками в честь старины и новизны мира сего, а также и за то, чтобы старая дружба продлилась до конца наших дней. И это было одно из сильнейших, веселых и одновременно грустных впечатлений за считанные дни, проведенные в Вильнюсе.

С нами, как полагается старикам, была юная спутница, Наталия Огай, режиссер Литовского драматического театра в городе Шауляй. Я смотрел ее спектакль — «Затюканный апостол» Андрея Макаёнка.